

Мы здесь. № 474. 11-17 декабря 2014.
(<http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=7731>)

Зиси Вейцман, Беэр-Шева

Земля и воля Бера Слуцкого

Вот уж про кого из биробиджанских писателей мне тогда ничего не было известно, так это про Бера Слуцкого, а точнее – Дова-Бера Слуцкого, проживавшего после войны несколько лет в Биробиджане, а затем сгнувшего на необъятных сибирских просторах ГУЛАГа...

Однажды, в середине 1970-х, в редакции газеты «Биробиджанер штерн» в кабинете заместителя редактора я увидел на рабочем столе фотографию, которую вместе с другими материалами хозяин кабинета, писатель Бузи Миллер то ли просто рассматривал, то ли готовил к выпуску очередного номера. На той давнишней фотографии, сделанной, вероятно, по случаю приезда в ЕАО в 1946 году еврейского писателя Шмуэла Гордона, присутствующего в этой группе на фото, я сразу узнал биробиджанских еврейских писателей. Это были Бузи Миллер (в то время занимавший пост ответственного редактора), Люба Вассерман, Гешл Рабинков, Сальвадор Боржес. На этом снимке были также изображены незнакомые мне писатель Исроэл Эмиот (Гольдвассер), режиссер биробиджанского ГОСЕТа, заслуженный артист РСФСР Ефим Гельфанд и артист того же театра Иосиф Колин-Гросс (Штофенмахер) и сидевший за столом справа, рядом с Миллером, седой старик – писатель Бер Слуцкий.

Вот этот снимок, на котором слева направо сидят: режиссер БирГОСЕТа Ефим Гельфанд, Шмуэл Гордон, Люба Вассерман, артист Иосиф Колин-Гросс (Штофенмахер), Бузи Миллер, Бер Слуцкий; стоят: Сальвадор Боржес, Гешл Рабинков, Исроэл Эмиот

Повторюсь: ни об Эмиоте, ни о Слуцком я тогда не имел представления и потому осведомился о них у Миллера. Борис Израилевич почему-то не стал о них распространяться, сказав лишь, что эти два писателя жили после войны в Биробиджане. Это всё, что мне тогда стало о них известно, поскольку ни журнал «Советиш Геймланд», ни газета «Биробиджанер штерн», в которых я печатался, никогда о них не сообщали. Лишь спустя десятилетия я узнал (и не от Миллера, его уже не было на этом свете), что

Исроэл Эмиот и Бер Слуцкий вместе с другими еврейскими писателями проходили по так называемому «Биробиджанскому делу», по завершении которого все его «фигуранты» на долгие годы отправились в тюрьмы и каторжные сталинские лагеря. Отчего Миллер, мягко выражаясь, слукавил, представив мне столь кратко этих жвух писателей, я понял лишь потом. «Дабы не тревожить юную душу» - написал я как-то в своих воспоминаниях о Бузи. Ведь в 1949 году, когда Миллера арестовали, он был ответственным редактором «Биробиджанер штерн» и, пожалуй, главным действующим лицом в этом отвратительном антисемитском спектакле, поставленном главным режиссером – Сталиным и его сатрапами.

Не любил и не считал нужным вспоминать об этих годах Бузи Миллер. Впрочем, эта фотография в «Биробиджанер штерн» так и не появилась. Осторожный Миллер не решился ее опубликовать, хотя к тому времени все участники «Биробиджанского дела» были уже давно реабилитированы. Впервые этот снимок был опубликован Леонидом Школьником в тель-авивском «Еврейском камертоне» (26.01.1996) в очерке о биробиджанской писательнице Любе Вассерман.

Ни в коем случае не хочу и не имею права втиснуть кого-либо из упомянутых писателей в табель о рангах; почти каждый из них в свое время был возвращен советской властью и от нее же с лихвой настрадался. Но среди них Бер Слуцкий по масштабу своей творческой деятельности представляется наиболее несправедливо забытым.

Прозаик, публицист, филолог, библиограф Бер (Дов-Бер) Слуцкий родился 26 июня 1877 года в зажиточной семье вблизи местечка Городище Черкасского уезда Киевской губернии. В 1886 году, когда ему стукнуло 9 лет, его отца, Айзика Слуцкого, вместе со всей семьей власти заставили покинуть нажитое хозяйство и выслали из деревни. В те годы политика поощрения еврейского земледелия в России была свернута императором Александром Вторым новым указом (1866), наложившим запрет на приобретение евреями земельных участков и, следовательно, проживание в деревнях. В соответствии с царским указом о черте оседлости проживание евреев разрешалось лишь в специально оговоренных городах и местечках. Таким образом, семья Слуцких была вынуждена обосноваться в Городище и для нее, как и всех почти местечковых евреев, наступило время если не крайней нужды, то, во всяком случае, ощущения материального недостатка.

В Городище Дов-Бер получил в хедере основы начального еврейского образования, но дальше учиться не было возможности; с целью устройства своей дальнейшей жизни он уехал в Киев, потом в Одессу, где тогда находился его городищенский земляк и друг Яков Лещинский (1876-1966), будущий социолог и общественный деятель, получивший известность рядом работ по экономическому положению евреев, написавший еще в 1901 году на иврите исследование «Статистика шель ир ахад» («Статистика одного местечка»). Современники считали, что Бер Слуцкий самообразованием и своими познаниями в литературе оказал большое влияние на этого писателя-земляка, сына владельца бакалейной лавки и галантерейного магазина, имевшего возможность учиться.

Одесса притягивала к себе молодых евреев, желающих вырваться из местечковой жизни и получить светское образование. Сведений о том, учился ли Слуцкий в Одессе, Впрочем, как и в других учебных заведениях, не имеется. (Несмотря на это, Дов-Бер Слуцкий в последующие годы прославится как самый эрудированный еврейский литератор). В Одессе Слуцкий знакомится с известным уже тогда поэтом Хаимом-Нахманом Бяликом (1873-1934), который подвиг юношу писать на иврите и отправлять написанное в разные издания. В 1903 году в издании на иврите «Луах Ахисаф» («Альманах Ахисафа») он опубликовал очерк «Лифней ha-саар» («Перед грозой»). В издающемся в Одессе ивритском журнале «ha-Шилоах» («Вестник») и уже упомянутом альманахе напечатал

несколько очерков. В последних двух изданиях, начиная с 1910 года, публиковались его рассказы «Мириам» и «Бэ-ир» («В городе»); публиковался молодой прозаик и в других ивритских изданиях, например, в газете «Ха-Зман» («Время»). Слуцкому, как и Шолом-Алейхему, вскоре стало ясно: чтобы тебя понимал простой люд, выражать себя все-таки следует на его языке – на идиш, на так называемом «жаргоне», о котором в тот период шли горячие дискуссии.

Считается, что литературная деятельность Слуцкого на языке идиш началась в 1904 году именно с письма в петербургскую газету «Дер фрайнд» («Друг»), которое редакция опубликовала в форме статьи с названием «Идиш!» и под псевдонимом Д. Бер. Письмо это можно смело назвать криком души, его публикация имела огромный резонанс. По свидетельствам Хаима-Шлоймэ Каздана (1883-1979), деятеля еврейского просвещения, публициста и переводчика, Янкева-Лейба Левина (1884-1958), учредителя еврейских школ и составителя учебников, Шлоймэ-Файвла Гилинского (1888-1961), педагога и общественного деятеля, Мордехая Бирнбойма (1877-1934), автора учебников и организатора еврейских школ, эта статья, произведя в обществе фурор, помогла открыть им в 1912 году в Варшаве светскую еврейскую школу с обучением на языке идиш. Текст статьи Слуцкого «Идиш!» занимает немало места, поэтому позволю донести до читателя лишь пару абзацев. Цитирую по переводу Рахели Штейнберг в одном из материалов «МЗ»:

«...Большая часть еврейских детей, посещающих старые хедеры и талмуд-тойры, выходят оттуда «калеками». В последнее время замечено, что даже эти учебные заведения дети посещают все реже и реже. Их очень рано отрывает от учебы семья – надо зарабатывать на хлеб. Учится еврейский мальчик год-два в хедере и, как только научится молиться, - учебе конец. И вот так растет невежество масс. А они (дети), не выучив как следует «лошн-койдеш» («святой язык»), уже оторвались от языка, на котором думают, чувствуют, говорят...

...Чтобы в еврейском доме стало светло и тепло, идиш должен стать не только средством, но самоцелью, ибо просветить целый народ, да еще такой нищий, как наш, возможно только на понятном ему языке. Не через идиш, а на языке идиш мы обязаны обучать наш народ.

...Давайте возьмемся за «вульгарный» идиш, улучшим его, сделаем литературно богаче, введем в хедер, синагогу, и, может быть, тогда наш народ выбьется из нынешнего состояния!..».

Следуя целям своей статьи, именно поэтому Бер Слуцкий пишет и публикует на идиш рассказы, фельетоны, статьи в газетах «Фолкс-штимэ» (Вильно), «Һайнт» (Варшава), «Дер фрайнд» (эта газета из Петербурга переместилась в Варшаву и стала издаваться с тем же названием, но уже без артикля – просто «Фрайнд»).

Накануне Первой мировой войны в качестве корреспондента варшавской «Һайнт» посетил Кавказ, Швейцарию (жил в городе Ла-Шо де-Фон – центре знаменитой на весь мир часовой промышленности), позже обосновался в Киеве. Его цикл рассказов «Мазепэвкер билдэр» («Мазеповские картины») красочно показал еврейскую жизнь в черте оседлости. После революционных событий 1917 года сотрудничал с газетами - варшавской ежедневной «Ди найе цайт» («Новое время»), киевской «Ди комунистиче фон» («Коммунистическое знамя») и другими советскими изданиями. Будучи корреспондентом газет «Дер штерн» («Звезда», Киев) и «Дер эмес» («Правда», Москва), посетил еврейские колонии Украины; писал материалы под псевдонимом Б. Маринский и отправлял их из

Киева в нью-йоркскую «Фрайһайт» («Свобода») и «Ди пресэ» (Буэнос-Айрес). Переводил на идиш прозу европейских, русских и ивритских писателей.

Дов-Бер Слуцкий (слева) и Шимон Добин (фото из личного архива Я. Добина, первая публикация – «МЗ», №172, авг. 2008 года)

Многое сделал Слуцкий и в области еврейской филологии. В ту пору больших социально-политических и культурных перемен появились новые слова и выражения, которые на языке идиш требовалось упорядочить, особенно в новых профессиях и ремеслах. Это была адски тяжелая работа, и Слуцкий за нее взялся. В 1919 году в киевском педагогическом журнале «Шул ун лэбн» («Школа и жизнь») опубликовал еврейскую терминологию часового мастера (с помощью брата-часовщика). В минском журнале «Цайтшрифт» («Летопись») поместил «Лексикон фун мэнэр-шнайдэрай» («Лексикон портного по пошиву мужской одежды»), «Идише бадхоним-шойшпилэр» («Еврейские бадхены-актеры», №1, 1926) и «Дэрганцунгэн цу дэм лексикон...» («Дополнения к лексикону...», №2-3, 1928). В 1929 году в киевском издательстве «Култур-лигэ» вышел «Лексикон фун политише ун фрэмдвэртэр» («Лексикон политических и иностранных слов и выражений») под редакцией Генаха (Генриха) Казакевича и Иосифа Либерберга с

предисловием последнего. Оба вскоре уедут в Биробиджан: Г.Казакевич в 1932 году возглавит газету «Биробиджанер штерн», а член-корреспондент Украинской академии наук И. Либберберг в 1934 году станет председателем правительства ЕАО, и в 37-м его расстреляют.

Совсем неудивительно, что в этом тысячестраничном лексиконе были обнаружены «отклонения от линии партии», и 14 июля 1929 года газета «Дер эмес» вышла с примечанием редакции: «Так как во многих разделах книги обнаружены ошибки, издательство решило ее не распространять, пока содержание лексикона не будет основательно улучшено». Но в то время как-то всё обошлось, пронесло – эпоха большого террора еще не наступила.

Слуцкий, сотрудничая с секцией филологии, которую в Институте еврейской культуры возглавлял лингвист, редактор, общественный деятель Нохем Штиф (1879-1933), опубликовал в печатном органе секции «Ди идише шпрах» («Еврейский язык», №7,1928) работу о классике Менделе Мойхер-Сфориме как переводчике – «Вэгн Менделе-ибэрзэцер». В 1931 году в Харькове вышел его смешанный сборник стихов и рассказов под названием «Аф рещтованиес» («На лесах»). В 1935 году во 2-м сборнике журнала киевского журнала «Афн шпрах-фронт» («На языковом фронте») был напечатан его труд «Тов. Н. Штиф и его путь», посвященный памяти скончавшегося еврейского ученого-лингвиста, а в 3-4 сборниках этого журнала – «Цу дэр гешихтэ фун дэр терминологишер арбэт инэм советишн идиш» («К истории терминологии в советском идиш»). В 1937 году в Киеве Слуцкий составил сборник «Вос гевэн ун вос геворн» (Что было и что стало), в 1940-м в киевском сборнике под названием «Шолом-Алейхем» опубликовал исследование «Вэгн ди вариантн фун Шолэм-Алейхемс «Фунэм ярид» («О вариантах романа Шолом-Алейхема «С ярмарки»).

Значителен вклад Слуцкого (*на снимке*) в качестве переводчика на язык идиш, причем, с разных языков: с английского – Дж. Свифт, с французского – А. Доде. Но больше всего Слуцкий предпочитал переводить русскую классику – произведения И. Тургенева, А. Чехова, Н. Гоголя, В. Короленко и др. В 1939 году в его переводе на идиш вышел роман Л. Толстого в 8 частях «Анна Каренина». С первых дней Великой Отечественной войны, когда немцы начали бомбить Киев, частичную эвакуацию населения организовал писательский союз Украины, и Слуцкого вместе с семьей отправили пароходом по Днепру в Днепропетровск. Оттуда эшелон, состоявший из набитых беженцами товарных вагонов, был направлен по железной дороге до Ставрополя, а оттуда - к западному побережью Каспийского моря, в Махачкалу. С одного берега Каспийского моря (теперь уже пароходом) они добрались до восточного побережья Каспия, в город Красноводск. В пути следования из Красноводска до Ашхабада, столицы Туркменской ССР, жене Слуцкого, Добе, стало плохо и она скончалась. Похоронили ее уже в Ашхабаде. Оплакивать близкого человека было некогда – дальше путь беженцев лежал в Ферганскую долину – в Узбекистан. Там почти полгода пролежал заболевший Слуцкий с поврежденной рукой в местной больнице, где ему была сделана серьезная операция, после которой он стал, по сути, инвалидом. Узнав, что в Алма-Ате у него живет родной брат Файвл. Слуцкий вместе падчерицей Миной уехал к близкому человеку. Когда советские войска освободили столицу Украины, война еще шла, и Слуцкий решил в Киев не возвращаться – слишком много печальных воспоминаний навевал ему этот город,

начиная с погрома 1905 года, который он там пережил. Находясь в Алма-Ате, Слуцкий писал корреспонденции в московскую «Эйникайт» о положении эвакуированных евреев, продолжал трудиться над историческим романом об эпохе Бар-Кохбы «Фар эрд, фар фрайһайт» («За землю, за волю»).

В первые послевоенные годы в Биробиджан еще ходили эшелоны с переселенцами, но Бер Слуцкий в 1946 году по приглашению группы литераторов Дальнего Востока приехал в Еврейскую автономную область. Там, в Биробиджане, он сразу же окунулся с головой в свою основную работу – в деятельность еврейского отдела областного краеведческого музея, в которую вкладывал всю свою душу и все знания. Ослабленный болезнями, уже в приличном возрасте, он никогда не сидел без дела. Для музея он собирал вещи, предметы, книги, ставшие редкостью – все то, что имело отношение к истории и культуре еврейского народа. Одновременно Слуцкий работал над последними главами своего исторического романа; как знаток языка идиш и штатный переводчик областного радиокомитета, он не раз выступал в эфире, печатался в «Биробиджанер штерн». В 1947-м, к его 70-летию, в областных газетах и московской «Эйникайт» появились хвалебные отзывы о его деятельности.

Но вскоре сказка закончилась. 29 августа 1949 года, когда в Советском Союзе уже вовсю шла кампания по ликвидации еврейской культуры, Слуцкого арестовали вместе с другими еврейскими писателями Биробиджана. (Как бы предчувствуя арест, автор надежно спрятал рукопись романа с крамольным содержанием - в произведении была показана древняя история еврейского народа!). Лишь в августе-сентябре 1991 года, в последние месяцы своего существования, после путча в Москве, журнал «Советиш Геймланд» опубликовал роман Бера Слуцкого «За землю, за волю».

На допросах, кроме всего прочего, следователи обвиняли писателя, что он посылал в ЕАК, в Москву, материалы об эвакуированных в Казахстан евреях, работавших якобы на «режимных» объектах и будто бы автор в своих корреспонденциях эти объекты перечислял. Несчастный старик был заклеен и как «националист», и как «шпион».

Эти заметки о Слуцком мне хочется закончить строчками из воспоминаний другого писателя, Исроэла Эмиота, проходившего с ним по одному и тому же «Биробиджанскому делу». Эмиоту повезло гораздо больше – после долгого пребывания в каторжных лагерях он остался жив, в 1956-м вышел на свободу и через несколько лет уехал в Польшу, а оттуда - в Америку. Правдивей и лучше написать о своем собрате по несчастью в том горьком и ужасном времени, чем это сделал Эмиот, у меня все равно не получится, поэтому обращаюсь к его воспоминаниям:

«Слуцкий был осужден строже, чем другие биробиджанские писатели. Он получил 10 лет тюремного заключения, а не исправительно-трудовых лагерей, как мы. Это считалось более тяжким наказанием, хотя в тюрьме не заставляют по-рабски работать, как в лагере. Эки в лагере находятся большей частью на воздухе и среди людей. Слуцкого же отправили в знаменитый Александровский централ – старейшую тюрьму, в 60 километрах от Иркутска. Тюрьма расположена в горных хребтах, между скалами, и ее обитатели оказываются отрезанными от остального мира, погребенными здесь заживо.

...Последний раз я видел Слуцкого в «столыпинском вагоне», когда нас увозили из хабаровской следственной тюрьмы после вынесения приговора. Слуцкий знал, куда его везут. Но он был физически сломлен и настолько устал от следствия, что был ко всему равнодушен, еле передвигался. Лишь рыдал и жалел юную дочь его покойной жены, которая осталась в одиночестве, без присмотра.

Последний привет от Слуцкого нам передали в 1956 году от его падчерицы. Привет был печальным – он скончался в тюрьме в 1955-м, за год до нашего освобождения.

Да сохранится его светлое имя среди имен мучеников еврейской культуры, сгинувших под игом советских властителей!».